

СОВРЕМЕННОСТЬ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ВТОРОЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1836.

МИФЛОГІЯ

ВОТЯКОВЪ И ЧЕРЕМИСЬ.

« Свѣтъ Христовъ
просвѣщаетъ всѣхъ. »

Было время, когда обширная Вятская Губернія изобиловала дремучими, непроходимыми лѣсами; теперь это перемѣнилось: ни даль, ни болота не остановили топора, посякшаго маститыя рощи; теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ высокія деревья заслоняли солнце, кой-гдѣ торчатъ пни и кустарники, а на слѣдахъ непоколебимыхъ дубовъ тихо зыблются гибкіе колосья. Но нѣкогда эта пустынная и дикая земля, среди своей широколиственной стражи, хранила въ нѣдрахъ своихъ не менѣе дикій народъ Вотяковъ и Черемисъ. Эта горсть народа, непохожая ни на кого изъ своихъ сосѣдей, съ незапамятныхъ временъ оставалась какъ бы забытою посреди великаго царства. Селенія ихъ, такъ называемыя городища, смѣло красовались на берегахъ рѣкъ; лѣсные жители безъ страха ходили на дальнюю звѣроловлю, и безъ ограды богослужили въ кереметяхъ. Темъ и дикость мѣстоположе-

віа надежно укрывали ихъ отъ хищническихъ нашествій, и только дубравный звѣрь былъ ихъ непріателемъ; но съ неожиданной стороны неслась на нихъ грозная туча, отъ которой уже не было спасенія. Въ 1174 году партія Новгородскихъ выходцевъ нечаянно проплыла по рѣкѣ Камѣ въ глушь незнаемыхъ лѣсовъ, и наткнулась на Черемисскія и Вотскія городища. Безпокойные гости сильно потѣснили зажившихся хозяевъ, и начали то ниспровергать ихъ жилища, то селиться на новыхъ мѣстахъ. Вскорѣ городки Черемисъ и Вотяковъ перешли въ руки Новгородцевъ, и съ сего-то времени первобытное поселеніе здѣсь Русскихъ изобилуетъ повѣстью чудесъ, явившихъ имъ, какъ Христіанамъ, благословеніе неба на покореніе туземныхъ язычниковъ. Преданія дѣдовъ вкрались въ итогъ достовѣрныхъ извѣстій, и Вятская исторія временъ древнихъ рѣшительно испещрена странными разсказами, не заслуживающими ни особеннаго вѣроятія, ни совершенной недовѣрчивости. Довольно сказать, что въ 1498 году Великій Князь Василій Васильевичъ Темный подвергъ державной власти своей тысячи Вятчанъ, рожденныхъ отъ первоначальной сотни. Между тѣмъ гонимые Черемисы и Вотяки сгрудились въ отдаленныхъ мѣстахъ обширной губерніи, и по прежнему язычествовали и звѣроловили. Мало по малу расселеніе Христіанъ подѣйствовало на ихъ религіозность; кротость Евангельскаго слова отозвалась въ грубыхъ сердцахъ, и теперь изъ нихъ уже весьма мало язычниковъ, да и всѣ въ свою очередь непрерывно обращаются въ православіе подъ именемъ новокрещанъ.

Любопытствуя узнать что либо о вѣроисповѣданіи этихъ первообитателей моей лѣсистой родины, я успѣлъ собрать нѣкоторыя черты ихъ миеологии, и думаю, что малолюдное язычество, сохранившееся до нашего времени среди Христіанъ, какъ черная капля въ глубинѣ свѣтлаго сосуда, достойна нѣкотораго вниманія.

Вотяки признавали единого высочайшаго бога, Намарима, для котораго нѣтъ времени и не будетъ, который живетъ не для себя, а для людей, которые въ свой чередъ должны жить только для него; солнце было его престоломъ, а небо одеждою. Въ послѣдствіи времени къ Намариму присоединили еще бога воды, бога земли, благосостоянія, и другихъ низшихъ боговъ. Каждая потребность жизни порождаетъ новыя мысли о началахъ силъ Природы, а съ ними годъ отъ года умножалась и классификація божествъ, предлагая благодарному сердцу разнообразный источникъ молитвъ и набожности. Впрочемъ миеологія Вотяковъ далеко меньше плодovitа, чѣмъ Черемисъ, и всѣ надежды ихъ стремились болѣе къ одному Намариму. У нихъ были установлены богослужебныя празднества, совершавшіяся въ годъ четыре раза на особенныхъ священныхъ мѣстахъ, *кереметяхъ*, окруженныхъ высокимъ лѣсомъ и плетнемъ. Первое, бучимъ-нуваль, праздновалось почти всегда въ Апрѣль мѣсяцъ; тулисъ-нуваль послѣ лѣтняго посѣва, съ принесеніемъ жертвы богу земли; висеско-нуваль былъ день опредѣленный на молитву о благополучномъ сѣнокошѣ; при чемъ,

для испрошенія ясной погоды и облегченія въ работѣ, приносили въ жертву пестраго дятела; и наконецъ кереметь-нуналь совершалось вообще по окончаніи жатвы и всѣхъ полевыхъ работъ. Къ главнѣйшей жертвѣ относилась рыжая лошадь; однакожь допускали въ крайней нуждѣ и другаго цвѣта, но никогда воронаго. Къ лошади присовокупляли еще вола, овцу, гусей и утокъ. Сначала приносили въ жертву малыхъ животныхъ, а потомъ помощникъ священнослужителя закалалъ лошадь и приготавливалъ мясо ея къ жертвенному пиршеству. Кости жертвъ и желудки были сожигаемы; но лошадиный остовъ и головы вола и овцы развѣшивались въ керемети на еляхъ. Въ этомъ заключались всѣ Вотскія торжества, и рѣдко, рѣдко проглядывали частные праздники. Надобно сказать, что Вотяки съ меньшею упрямою, чѣмъ Черемисы, обратились въ православіе: языческія божества ихъ постепенно, какъ прошлые дни, исчезали съ поприща поклоненія; наконецъ и самая кереметь, мѣсто столь для нихъ священное, мало по малу потеряла свою фантастическую важность. Правда, они долго ототавали силу кереметныхъ деревь; но когда ихъ широколиственныя, высокія главы склонились медленно долу, когда изъ разсѣченной внутренности не выкрался ни одинъ стонъ, ни одинъ блескъ молніи, — тогда простодушный Вотякъ искренно сознался, что его боги ложны и небывалы.

Высочайшій богъ на языкѣ *Черемисъ* именуется Юмою. Его всегдашнее милосердіе, говорятъ они,

даетъ и звѣроловство, и соты, и тихую жизнь, и все благосостояніе. Но не смотря на такую обширную власть Юмы, они изобрѣли еще другихъ божковъ, давъ имъ мать, Юманъ-Аву, и раздѣливъ между ими правленіе міромъ и судьбами. Дѣля боговъ на женатыхъ и холостыхъ, они назвали совокупность ихъ всѣхъ божьею семьею—Юманъ-шучька. Особенно уваженіе принадлежало Юмъ, богу міра, и Кударчъ, богу грозы. Черемисы признавали и богинь: Кассебу—мать солнца, Кибу, и другихъ. Мущины молились богамъ, а женщины богинямъ. Прародителемъ злыхъ боговъ почитали сатану, Юонъ, который, по ихъ мнѣнію, жилъ въ водѣ, и въ полдень былъ особенно золъ. Лѣшихъ называли Кудадами и присвоивали имъ повелительную власть надъ лѣсами, звѣрями и птицами; также полагали, что они имѣютъ влияние на звѣриные промыслы, даря ихъ удачею или несчастіемъ. Страшась болѣе всего громаваго бога, Кударчи, и вѣря, что отъ него зависитъ плодородіе земли, Черемисы изображали его въ видѣ кулды, одѣтой въ мужское платье, и хранили ее въ берестеномъ ящикѣ, не воздавая впрочемъ ей особеннаго поклоненія. Керемети ихъ были общія—когда-кереметь, и частныя—щке-кереметь, особо одному семейству принадлежація. Керемети Черемисъ, также какъ и Вотяковъ, заключались въ лѣсахъ, предпочтительно дубовыхъ. Самое большое дерево посвящалось Юмъ, меньшее Юманъ-Авъ, и такъ далѣе всѣмъ богамъ. Кереметь имѣла три входа: одинъ съ запада, для принятія богомольцевъ, другой съ востока, для введенія жертвенныхъ животныхъ, и трет-

тій съ юга, для внесенія воды. Подъ главнымъ деревомъ становился жертвенникъ, родъ стола. Вдали отъ керемети создавался навѣсъ, подъ которымъ варили и закланную жертву. Женщинамъ строго воспрещалось не только входить, но даже приближаться къ священному мѣсту; да и мужчины заранее должны были вымыться, одѣться опрятнѣе и принести съ собою для пожертвованія кто что могъ. Пятница почиталась лучшимъ днемъ для приношеній. Жертвы состояли изъ лошадей, рогатаго скота, дичи, хлѣбнаго вина, варенаго меда, пироговъ и блиновъ. Бѣлые звѣри всему предпочитались, иногда приносили и черныхъ, но никогда пестрыхъ. Жертвенные напитки и пироги готовляли дѣвицы; остатки жертвъ не воспрещалось ѣсть и женщинамъ, но только дома. Время къ жертвоприношенію опредѣляли священнодѣисвовавшіе, разбѣрая полясь, и посредствомъ другихъ гаданий. Самый большой праздникъ назывался юманъ-байрамъ, бывавшій черезъ годъ, черезъ два, а иногда и черезъ четыре года, всегда осенью. Въ назначенный день въ керемети раскладывали семь огней рядомъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку: возженный на сѣверо-западѣ посвящался Юмъ, ближайшій къ нему Юманъ-Авѣ, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ стоялъ особый картъ (жрецъ) и помощникъ его, удше, имѣя при себѣ жертвенныхъ животныхъ и на разостланномъ коврѣ вино, медъ, пироги и блины. Картъ, служившій Юмъ, держалъ жеребца, Юманъ-Авѣ корову, а прочихъ боговъ жрецы имѣли медныхъ животныхъ или птицъ, Мірале

толпились позади жрецовъ съ непокрытыми головами. Первенствующій жрецъ, поднявъ вверхъ пироги и сосуды, громко творилъ молитву, а предстоявшіе клали земные поклоны и восклицали: аминь. Затѣмъ молился картъ Юманъ-Авы, и наконецъ всѣ другіе. По окончаніи молитвъ, каждый удше обливалъ, или лучше, вспрыскивалъ жертву холодною водою, и если она вздрогнула, то это было добрымъ знакомъ, для чего и поливали ее неоднократно; въ противномъ же случаѣ ее изгоняли, какъ неблагоугодную богамъ. Убивая животныхъ, старались, чтобъ кровь брызнула въ огонь. Мясо, очистя внѣ керемети, варили подъ навѣсомъ. Потомъ жрецы, поднявъ вверхъ на блюдѣ сердце, легкое, печень и голову, вновь молились торжественно, уже въ тишинѣ общаго безмолвнаго благоговѣнія. Послѣ молитвъ всѣ блюда, сосуды и пироги сносились къ карту Юмы, который и одѣлялъ присутствующихъ жертвоприношеніемъ. Предавъ огню кости, кожу жеребца вѣшали въ керемети на дерево, а другія кожи дѣлились между жрецами. Кромѣ торжества юманъ-байрамъ, бывалъ во всякой деревнѣ еще одинъ великій прздникъ, анга-сохренъ, совершавшійся во время пашни, на поляхъ, куда деревенскіе жители приносили напитки и пироги. Все это освящалось, по обыкновенію, картами, которые раздѣляли съ міряними трапезу, тѣмъ болѣе радостную, что въ ней участвовали и женщины и дѣти. Сверхъ того у каждаго жителя бывалъ свой праздникъ, утквиде-байрамъ, когда онъ одинъ, безъ карта, омовитывалъ жертву изъ хлѣба и вина. Черемисы съпо

повиновались своимъ духовнымъ, избравшимся изъ людей безпорочнаго поведенія, и надъ которыми первенствовала первосвященникъ, югтишь. Замѣчательна молитва Черемись, замѣчательна по своей простотѣ и чувственнымъ желаніямъ. Вотъ она:

«Великій, древній богъ! Тебѣ народъ усердствуетъ нынѣ моленіемъ: привелъ скота, принесъ хлѣба, пива, меду, и собрался предъ твоимъ деревомъ. Возлюбви все это и прими милостиво!

«Боже! дай помощь въ жизни народу твоему: дай скота, послѣ скота хлѣба, послѣ хлѣба пчель, послѣ пчель просимъ денегъ на оплачиваніе податей Государю; послѣ денегъ просимъ лѣсной ловли, послѣ лѣсной ловли молимъ о водной ловлѣ. Услыши милостиво!

«Боже! дай въ этомъ вѣкѣ хорошаго житія Бѣлому Царю и всѣмъ молящимся здѣсь людямъ, которые привели тебѣ скота, принесли хлѣба, поставили вино, а другіе пожертвовали и деньгами. Услыши и прими милостиво!»

Не знаю, точно ли я передалъ подлинныя слова, но по крайней мѣрѣ они взяты съ достовѣрнаго списка. Долго боролись Черемисы съ набожностію къ вѣрѣ предковъ своихъ; долго суевѣрныя опасенія селили для нихъ въ завѣтныхъ рощахъ духовъ-охранителей: наконецъ кроткія мѣры Правительства, благодатная терпимость и заботливость нашего духовенства призвали ихъ въ объятія православія и

сочетали съ крестомъ Спасителя. Какъ будто въ новыя времена Владиміра, сотни обращенныхъ погружались въ рѣкъ и принимали св. крещеніе. Въ 1834 году взорванъ былъ послѣдній огромный камень, предметъ ихъ языческаго обожанія, одиноко лежавшій въ полѣ.

А. Емичевъ